

ШАХМАТНАЯ МОСКВА

Двухнедельный бюллетень
Московского городского комитета
по физической культуре и спорту

9 апреля 1969 года

№ 7 (273)

Год издания 12-й

Цена 5 коп.

Выпуск редакции газеты
«Московский комсомолец»

УВЕРТЮРА

Только неделя разделяет начало матчей на первенство мира: Гаприндашвили — Кушнер и Петросян — Спасский. Не только правила галантности заставляют назвать женский поединок первым. Но и Алла раньше своих коллег сядет за столик, и их единоборство станет той праздничной увертюрой, которая введет всех нас в шахматную атмосферу весны 1969 года. Но увертюра эта, как и матч мужчин, обещает стать принципиальной.

Почему? Трудно однозначно ответить на этот вопрос, но какие-то веши, обещающие борьбу не на жизнь, а на смерть, наметить можно.

Во-первых, «вторичность» их нынешнего поединка. В 1965 году соперницей Ноны также была Алла Кушнер, а до сих пор в истории шахмат вторая попытка претендента стать чемпионом оказывалась или удачной, или... последней для претендента.

Во-вторых, в этом матче пик подготовки соперниц был рассчитан первоначально на осень минувшего года. Кто знает, как подействовала полугодовая отсрочка матча на их спортивную форму? Ведь сохранить они ее пытались по-разному. Кушнер продолжала более или менее традиционную тренировку. Гаприндашвили избрала особый «способ»: она приехала в Таллин, где в международном турнире играл ее тренер и секундант Иво Ней, и следила за ходом борьбы во всех партиях.

И, наконец, в третьих, женщины постараются, вероятно, отвлечь внимание любителей шахмат из Театра эстрады на Берсеневской набережной в зал ЦДСА на площади Коммуны. Но это возможно лишь при условии самого высокого накала борьбы!

В. ПАНОВ,

международный мастер

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

МАСТЕР И БОЛЕЛЬЩИК

Быть мастером и шахматным журналистом представляет определенные неудобства. Почему-то каждый считает возможным подойти и задать стандартный, но, с моей точки зрения, нелепый вопрос.

На днях зашел в поликлинику. Подходит ко мне едва знакомый шахматист. Поздоровались. Затем он упомянул о приближающемся матче за мировое первенство. Я сухо промолчал.

— За кого вы болеете? — вдруг спросил он меня в упор.

— Вы, наверно, хотите знать, чем я болею? — ответил я. — Дела неважные: гипертония, диа...

— Нет, вы меня не поняли, — прервал он меня, ясно показав, что мое здоровье ему безразлично: — Я спрашивал, за кого вы болеете: за Петросяна или за Спасского?

Я ответил с изумлением: — Неужели вы серьезно думаете, что мастер и тем более журналист, может за кого-нибудь болеть? Мечтать о победе своего «избранника»? Нет! Любимый мастер может болеть только за самого себя — пока он на спортивной арене. А сойдя с нее и превратившись в шахматного летописца, он становится своеобразным роботом. Спрашивать у мастера-журналиста, «за кого вы болеете» столь же нелепо, как спрашивать судью ДО НАЧАЛА процесса: собирается ли он осудить или оправдать подсудимого.

— Вы, значит, шахматный робот? — ехидно спросил меня собеседник.

— Увы, нет, — печально покачал я головой. — Робота легко отремонтировать, заменив ту или иную часть запасной. А меня — нельзя. Одно роднит меня с роботом: абсолютная беспристрастность. Мне все равно: кто победит. Мне важно: как победит. И я буду хвалить нового чемпиона мира, будь то Петросян или Спасский, и осуждать проигравшего матч, будь то Спасский или Петросян, по извечному принципу: «Горе побежденным!». Существует железный закон спорта: «Прогрывающий всегда виноват!». Этот закон может нравиться или не нравиться, но от него не уйдешь нигде!

Мы распрощались с собеседником, так и не найдя общего языка. Я понял, что говорил не с ценителем шахмат, не с любителем игры, не с поклонником творчества чемпиона мира или претендента. Я говорил с чистокровным болельщиком, тоже со своего рода роботом, но с таким, чей мозг запрограммирован лишь в сторону неистового восхищения одним соперником и бурного осуждения другого. Это такие болельщики посылают негодующие письма в редакции, если отчеты корреспондента о ходе матча им кажутся пристрастными (в беспристрастии болельщик верить не способен!). Это они по окончании партии ждут у входа своего кумира, чтобы на руках донести его до машины. Это они вопреки объективным данным считают отложенную ничейную позицию выигрышной для своего подшефного и ничейной, если она безнадежна. Это они... да что перечислять! Всем знакомы приметы яркого болельщика. Будем надеяться, что моя статья не возбудит их гнева. Впрочем... пусть их!

ТЕПЕРЬ ИЛИ НИКОГДА

Этапы славного спортивного пути и творческие портреты как чемпиона мира Тиграна Петросяна, так и претендента

на мировое первенство Бориса Спасского хорошо знакомы массовому любителю игры еще с их предыдущего матча 1966 года.

Судя по всему, оба они сейчас, как и тогда, находятся в прекрасной физической форме и безукоризненном здоровье, что имеет огромное значение при столь длительной двухмесячной борьбе. Правда, здесь есть одно маленькое «но». Спасскому недавно исполнилось 32 года — возраст полного физического и духовного расцвета человеческого организма. Петросяну же сейчас после матча исполнилось сорок лет — возраст, когда шахматист, хотя и медленно, но неминуемо начинает сдавать. Ботвинник в одной лекции заявил даже, что шахматист достигает своей максимальной силы в 35—40 лет, а потом дело идет к упадку.

Спасский второй раз подряд побеждает в трехлетних труднейших отборочных соревнованиях сильнейших шахматистов мира, что до сих пор удалось только Смыслову. Но тот побеждал в турнирах, где после могучего противника можно немного «отдохнуть» в партии с менее сильным партнером. И можно понять чувства Спасского, когда он 30 сентября 1968 г. сказал корреспонденту «Вечерней Москвы»: «Матчи претендентов — это круги дантова ада. Пройдя их, шахматист находится буквально на грани физического и нервного истощения». А корреспонденту «64» Спасский категорически заявил, что более в матчах претендентов он играть не станет.

Из этих высказываний напрашивается вывод: Спасский решил предстоящий матч с Петросяном играть под девизом «Теперь или никогда!». И он, несомненно, прав. Да и всякому ясно: если шахматист при идеальной форме и тщательнейшей подготовке дважды потерпит поражение в матчах на мировое первенство, значит, как бы хорошо в дальнейшем они ни играл, но чемпионом мира уже не сможет стать. Не судьба!

Тигран Петросян тоже должен вложить всю душу, всю энергию, все мастерство в начинающееся единоборство,

во, тем более, что матчи-реванши отменены, к слову сказать, вряд ли справедливо. У Петросяна есть два психологических козыря: он уже один раз (в матче 1966 г.) одержал — пусть с небольшим перевесом — победу над Спасским, и он за последний год не расходовал столь щедро силы и нервы, как Спасский, в тяжелых боях с прочими претендентами. Он придет к матчу более свежим. Укрепляют хорошее расположение духа Петросяна его успехи и в другой области: недавно защищенная диссертация на ученую степень кандидата философских наук и вышедшая на армянском языке книга «Шахматы и философия», где имеется даже такая многозначительная глава, как «Шахматы и истина». Меня давно интересовала эта проблема, но, к сожалению, из-за незнания армянского языка я не смог получить исчерпывающего разъяснения. Думаю, впрочем, что ответ на вопрос «Что есть истина в шахматах?» заключается в двух постулатах: во-первых, «надо всегда играть сильнее любого соперника», а во-вторых, «лучше быть чемпионом мира, чем не быть им».

КОВАРСТВО И РАСЧЕТ

Времена меняются! Сейчас, когда пишешь о матчах на мировое первенство, приходится думать не только о тех, кто сидит на сцене — о самих «дуэлянтах», но и о тех, кто незримо присутствует возле них и даже незримо участвует в борьбе, порою даже задолго до ее начала.

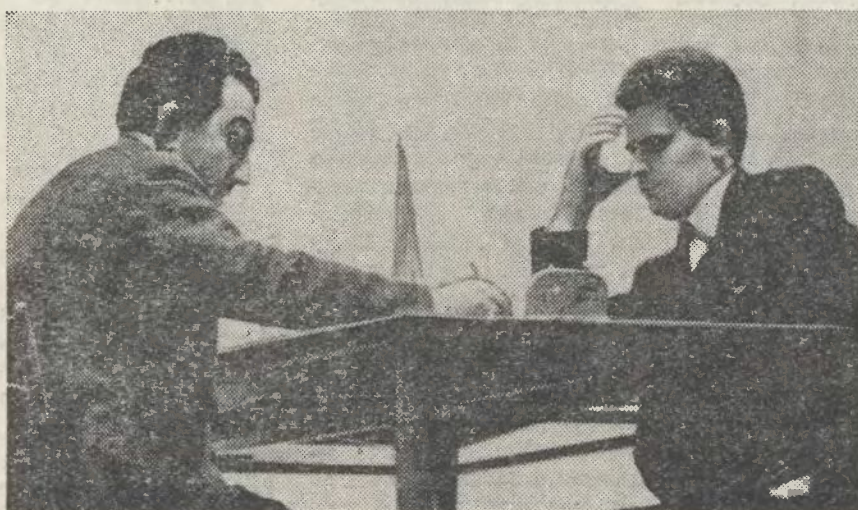
Жаль, что у первых чемпионов мира не было ни тренеров, ни секундантов. Что если бы в матче Цукерторт—Стейниц, положившем начало регулярному выявлению чемпионов мира, тренерами Цукерорта были бы виртуозы острой, комбинационной борьбы Чигорин, Блекберн, Винавер, а на стороне Стейница — хитроумные специалисты защиты: Паульсен, Вейс, Гунсберг? Кто знает, как тогда сложилась бы борьба и кто стал бы первым чемпионом мира!

В подготовке к предстоящему поединку чемпиону мира Петросяну деятельно помогали такие высококвалифицированные теоретики, как гроссмейстеры Болеславский и Суэтин. Зато веру Спасского в успех укрепляли и оснащали его хитрыми рецептами такие тонкие шахматно-спортивные психологи, как гроссмейстеры Бондаревский и Крогиус. На одной стороне — любовь к логике, на другой — спортивное коварство. Что сильнее, покажет будущее.

ТРЕХЛЕТНЯЯ РАЗМИНКА ПЕРЕД НОВЫМ МАТЧЕМ

До сих пор Петросян и Спасский встречались друг с другом сорок раз, но только девять партий были результативными. То, что так много партий закончилось ничью, надо занести скорее в актив Петросяна, нежели Спасского,

(Окончание на 2-й стр.)

Мастер
В. ЛЮБЛИНСКИЙ.

